

Бабаев Владимир Абдурахманович, Селимова Зухреалум Омаровна

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛА КУБИНСКОГО ДИАЛЕКТА ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию морфологических особенностей глагола одного из наименее исследованных ареальных единиц современного лезгинского языка - кубинского диалекта. Внимание акцентировано на анализе масдара, причастия, деепричастия, а также отдельных форм глагольных наклонений. Основные теоретические положения исследования богато снабжены полевым материалом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 76-80. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

выражения представляют собой фразеологические единицы разговорно-бытового характера, относятся к просторечию. Необходимо еще раз подчеркнуть, что просторечность *гуаньюной* и *суюй* наиболее ярко выражается в лексическом плане (разговорно-бытовая лексика, диалектизмы, вульгаризмы). Однако сферой их употребления является не только разговорная речь, но и другие языковые стили, включая газетно-публицистический и различные жанры художественной литературы.

Список литературы

1. **Войцехович И. В.** Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 509 с.
2. **Сизов С. Ю.** Словарь наиболее употребительных китайских идиоматических выражений, пословиц и поговорок. М.: Муравей, 2005. 320 с.
3. **Щичко В. Ф.** Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие. 2-е изд. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 223 с.
4. **马国凡 高歌东.** 惯用语. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1982. 179页. (Ма Гофань, Гао Гэдун. Привычные выражения. Хух-Хото: Внутренняя Монголия, 1982. 179 с.)
5. **新华字典.** 北京: 商务印书馆出版, 1994. 1321页. (Китайско-китайский словарь Синьхуа. Пекин: Шаньюиньшугуань, 1994. 1321 с.)
6. **徐宗才.** 俗语. 北京: 汉语知识丛书. 商务印书馆, 1999. 146 页. (Сю Цзунцай. Поговорки. Пекин: Шаньюиньшугуань, 1999. 146 с.)
7. **温端政.** 俗语研究与探索: 俗语的性质, 范围和分类. 上海辞书出版社, 2005. 229页. (Вэнь Дуаньчжэн. Изучение поговорок: характеристика, сфера употребления и классификация поговорок. Шанхай: Цышу, 2005. 229 с.)
8. **杨培华.** 万事由来. 天津: 天津社会科学院出版社, 2004. 351页. (Ян Пэйхуа. Все об истоках. ТяньЦзин: ТяньЦзиншехуйкесюэюань, 2004. 351 с.)

**SAYINGS AS A SPECIAL CATEGORY OF FIGURATIVE MEANS
IN THE PHRASEOLOGICAL SYSTEM OF THE MODERN CHINESE LANGUAGE**

Afanas'eva Marina Petrovna
Irkutsk State University
mar.kis@mail.ru

The article is devoted to studying the sayings as a special category of figurative means in the phraseological system of the modern Chinese language. The author examines the basic sources of sayings' origin, semantics of the terms *síyǔ* and *guànyòngyǔ*, the basic differences of sayings from other types of phraseological units of the Chinese language.

Key words and phrases: phraseological unit; proverb; "habitual expressions"; saying; Chinese language; *síyǔ*; *guànyòngyǔ*.

УДК 8; 10.02.20

Статья посвящена описанию морфологических особенностей глагола одного из наименее исследованных ареальных единиц современного лезгинского языка – кубинского диалекта. Внимание акцентировано на анализе масдара, причастия, деепричастия, а также отдельных форм глагольных наклонений. Основные теоретические положения исследования богато снабжены полевым материалом.

Ключевые слова и фразы: лезгинский язык; кубинский диалект; литературный язык; система глагола; масдар; причастие; деепричастие; наклонение глагола; морфологические особенности.

Бабаев Владимир Абдурахманович, к. филол. н., доцент
Селимова Зухрахалум Омаровна, к. филол. н.
Дагестанский государственный педагогический университет
zerber.ad@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛА КУБИНСКОГО ДИАЛЕКТА ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

В качестве наиболее крупных ареальных разновидностей лезгинского языка выделяются кюринское, самурское и кубинское наречия. Фронтальное изучение кубинского наречия (это самое южное наречие, которое формировалось на территории Азербайджана изолированно от основного лезгинского языка) окончательно еще не завершено. Исследуемый кубинский диалект относится к локальным единицам одноименного кубинского наречия лезгинского языка.

Глагол в кубинском диалекте, как и в лезгинском литературном языке, характеризуется категориями наклонения, времени, лица, а также он включает в свою систему особые формы, обладающие как глагольными, так и неглагольными категориями и признаками: масдар, причастие и деепричастие. В отличие от глаголов других дагестанских языков, глагол современного лезгинского языка не обладает рядом словоизменительных категорий, а именно он не изменяется по числам и грамматическим классам.

Однако следует отметить, что в словах различных лексико-грамматических групп лезгинского языка (в том числе и в глаголах) в настоящее время прослеживаются отдельные следы (рудименты) классных согласований, что свидетельствует о наличии категории грамматических классов в прошлом [1, с. 36; 2, с. 294; 3, с. 12].

Например, о наличии в прошлом в лезгинском языке классного согласования свидетельствуют следующие лексемы кимильского говора кубинского наречия, ср.:

кимил. гов.	кубин. диалект	лит. язык	
<i>йырцIы^h</i>	<i>цIурцIу^h</i>	<i>цIуру^h</i>	«таять»
<i>йыкьы^h</i>	<i>кьу^h</i>	<i>кьу^h</i>	«держать»
<i>йыргы^h</i>	<i>ургу^h</i>	<i>ругу^h</i>	«кипеть»
<i>йыгы^h</i>	<i>гу^h</i>	<i>гу^h</i>	«дать»

По мнению Д. А. Асалиева, в приведенных выше лексемах кимильского говора анлаутный согласный [ɨ] является классным показателем [3, с. 14]. В современном лезгинском литературном языке и кубинском диалекте данный окаменелый элемент (рудимент) утрачен.

Глагольные формы кубинского диалекта по ряду особенностей своего образования и изменения отличаются от соответствующих глагольных форм литературного языка.

Простые первообразные глаголы типа *гу^h* «дать», *гьу^h* «принести» и др., в составе которых выделяются только суффикс масдара и корневая часть, по форме совпадают с глаголами литературного языка. Что же касается некоторых простых производных глаголов, то они отличаются от литературных слов своим звуковым оформлением, например:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>цIуь^h</i>	<i>уьцIуь^h</i>	«рушиться»
<i>чIакьу^h</i>	<i>жакьу^h</i>	«жевать»
<i>чузу^h</i>	<i>жузу^h</i>	«спросить»
<i>чугу^h</i>	<i>чIугу^h</i>	«тянуть»
<i>хутуну^h</i>	<i>хутIуну^h</i>	«снимать»
<i>усуну^h</i>	<i>асуну^h</i>	«белить» и др.

Глаголу-связке литературного языка *тир* «являлся» в кубинском диалекте соответствует *тий*.

Наиболее существенной морфологической особенностью диалекта является то, что здесь сложные глаголы, образованные от имен существительных, прилагательных или же от основ непереходных глаголов, а также от заимствованных основ на *-миш* или *-ламши*, а также глаголы, мотивирующей основой которых является форма II лица повелительного наклонения, в форме масдара имеют суффикс *-ин* вместо литературного *-ун*:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гьаджэти^h</i>	<i>гьуьжэти^h</i>	«спорить»
<i>гьуьрмэти^h</i>	<i>гьуьрмэти^h</i>	«уважать»
<i>эйтибари^h</i>	<i>ихтибару^h</i>	«доверять»
<i>сирнави^h</i>	<i>сирнаву^h</i>	«плавать»
<i>пайи^h</i>	<i>пайу^h</i>	«делить»
<i>хьэли^h</i>	<i>хьэлу^h</i>	«обижаться»
<i>азади^h</i>	<i>азаду^h</i>	«освободить»
<i>гьазури^h</i>	<i>гьазуру^h</i>	«готовить»
<i>зайифи^h</i>	<i>зайифун^h</i>	«ослабить»
<i>пахчи^h</i>	<i>багьишу^h</i>	«дарить»
<i>куьзи^h</i>	<i>куьзу^h</i>	«цедить, фильтровать»
<i>айритһмиши^h</i>	<i>айрутһмишу^h</i>	«разлучать» и т.д.

Исключение составляют в диалекте всего несколько слов, у которых форма масдара с суффиксом *-ин* функционирует параллельно с формой на *-ун*. Например:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гирнагьи^h//гирнагьу^h</i>	<i>гирнагьу^h</i>	«жевать жвачку (о животных)»
<i>кһабаби^h//кһабабу^h</i>	<i>кһабабу^h</i>	«готовить шашлык»
<i>кьали^h//кьалу^h</i>	<i>кьалу^h</i>	«скандалить»

Глаголы *хьуьруь^h* «смеяться» и *чуькьу^h* «издать звук, подать голос» форму масдара в диалекте образуют посредством суффикса *-уь^h*, ср.: *хьуьрхьуь^h*, *чуькьуь^h*.

Таким образом, форма масдара в кубинском диалекте образуется суффиксами *-и^h*, *-у^h*, *-уь^h*, являющимися вариантами одного суффикса, деформировавшегося в результате уподобления гласному корню. Исходным из них является *-у^h*, восходящий к глаголу *аву^h* «делать» [6, с. 49].

В самурском наречии лезгинского языка широко распространен еще и другой вариант вышеназванных суффиксов масдара – *-ы^h* [Там же, с. 64], который в описываемой диалектной единице не представлен.

Как и в литературном языке, масдар в кубинском диалекте склоняется в обоих числах, при этом в эргативе обоих чисел, а также в производных от него других падежных формах вместо литературного [y] суффиксальному согласному [n] здесь предшествует гласный [u], ср.:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
единственное число		
эрг. п. <i>агалини</i>	<i>агалуни</i>	«запирать, закрывать»
род. п. <i>агалини^н</i>	<i>агалуни^н</i>	
дат. п. <i>агалиниз</i>	<i>агалуниз</i>	
множественное число		
эрг.п. <i>агалинри</i>	<i>агалунри</i>	
род. п. <i>агалинри^н</i>	<i>агалунри^н</i>	
дат. п. <i>агалинриз</i>	<i>агалунриз</i>	

В кубинском диалекте различаются причастия настоящего, прошедшего и будущего времени.

От первообразных глаголов причастия прошедшего времени в диалекте образуются с помощью суффикса **-ай (-ий, -эй)** вместо литературного **-айи (-эйи)**, т.е. в описываемом диалекте они имеют усеченную форму:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гий</i>	<i>гайи</i>	«данный»
<i>гвэй</i>	<i>гвэйи</i>	«жатый»
<i>гъий</i>	<i>гъайи</i>	«принесенный»
<i>къий</i>	<i>къайи</i>	«охлажденный»
<i>хий</i>	<i>хайи</i>	«рожденный, родившийся»
<i>хвэй</i>	<i>хвэйи</i>	«сбереженный»
<i>хъвай</i>	<i>хъвайи</i>	«выпитый»
<i>цай</i>	<i>цайи</i>	«посаженный, посеянный»

Специфические особенности кубинского диалекта морфологического порядка, отличающие его от других локальных единиц и от норм литературного языка, прослеживаются и в системе деепричастия.

Основная особенность в корпусе деепричастий заключается в том, что вместо формы деепричастия настоящего времени литературного языка, образующейся от причастий будущего общего времени посредством суффикса **-ла**, в диалекте функционирует отсутствующая в литературном языке форма с аффиксом **-ирла**, например:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>акъудирла</i>	<i>акъуддаала</i>	«когда вытаскивал, вынимал»
<i>къарагъирла</i>	<i>къарагъдаала</i>	«когда вставал»
<i>квалахирла</i>	<i>квалахдаала</i>	«когда работал»
<i>къабулрла</i>	<i>къабулдаала</i>	«когда принимал»

Иногда начальный компонент аффикса **-ирла** гласный [и] может выпасть (преимущественно в моносиллабических лексемах), ср.:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>къвэрла</i>	<i>къвэдаала</i>	«когда приходил»
<i>нэрла</i>	<i>нэдаала</i>	«когда ел»
<i>фирла</i>	<i>фидаала</i>	«когда шел»
<i>хувкэрла</i>	<i>хквэдаала</i>	«когда возвращался»

В структуре некоторых многосложных деепричастий прошедшего времени, образованных от каузативных глаголов, в диалекте отсутствует морф **-ур**, наличный в литературном языке. Например: *ракъаала* «когда послал», ср. лит. *ракъураала*; *чугаала* «когда нарисовал», лит. *чугурла* и т.д.

Морфологическая категория наклонения в кубинском диалекте и в лезгинском языке в целом представлена системой шести наклонений: изъявительного, повелительного, вопросительного, условного, уступительного и предположительного [3, с. 17].

Ряд отличительных черт диалекта выявляется в образовании отдельных форм наклонений.

Изъявительное наклонение, как правило, реализуется во временных формах, которые объединяются в три ряда: а) формы настоящего времени; б) формы прошедшего времени; в) формы будущего времени.

В лезгинском языке представлена сложная система временных форм. Эта же система с некоторыми отклонениями фонетического и морфологического характера существует и в кубинском диалекте.

В диалекте форма давнопрошедшего простого времени, а также форма прошедшего несовершенного простого времени глагола оформляются аффиксом **-ий** вместо литературного **-ай**, ср.:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
давнопрошедшее время:		
<i>ацланий</i>	<i>ацланай</i>	«наполнился»
<i>ганий</i>	<i>ганай</i>	«давал, дал»
<i>хъэлний</i>	<i>хъэлнай</i>	«обиделся»
<i>эцигний</i>	<i>эцигнай</i>	«клял, оставлял»

прошедшее несоверш. простое время:

<i>ийидий</i>	<i>ийидай</i>	«делал»
<i>нэдий</i>	<i>нэдай</i>	«ел, кушал»
<i>къвэдий</i>	<i>къвэдай</i>	«приходил»
<i>цIуьдий</i>	<i>уьцIвэдай</i>	«разрушался» и т.д.

В исследуемом диалекте от некоторых глаголов повелительное наклонение (императив) образуется иначе, чем в литературном языке.

Так, в диалекте нет супплетивных словоформ *алад*, *вачх* «иди» от глагола *фи^и* «идти», вместо них употребляется *чур*, ср.: *чур квалахал* «иди на работу» (лит. *алад кIвалахал*), *чур мици дэрсиниз* «иди на другой урок» (лит. *вачх муькхуь тарсуниз // алад муькхуь тарсуниз*). Глагол *къуркъури^и* «сушить» (лит. *кьуруру^и*) в говоре повелительное наклонение образует посредством аффикса **-ар** вместо литературного **-ур**: *къуркъулар* «суши» (лит. *кьурур*). Например: *ичhari^и ахтайар* «яблоки (букв. дольки яблок) суши» (ср. лит. *ичherи^и зурар кьурур*).

Условное наклонение глагола в диалекте имеет одинаковый с литературным языком показатель **-mla**, который, в отличие от литературного языка, присоединяется к усеченной основе причастия прошедшего времени без гласного [и]:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гийтla</i>	<i>гайитla</i>	«если даст»
<i>гьийтla</i>	<i>гьайитla</i>	«если принесет»
<i>фэйтla</i>	<i>фэйтla</i>	«если пойдет»
<i>хьийтla</i>	<i>хьайитla</i>	«если будет, станет, наступит»

Отсутствие гласного [и] отмечается в диалекте также в основах односложных глаголов в уступительном наклонении, например:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гийтlани</i>	<i>гайитlани</i>	«хотя даст»
<i>гьийтlани</i>	<i>гьайитlани</i>	«хотя принесет»
<i>фэйтlани</i>	<i>фэйтlани</i>	«хотя пойдет»
<i>хьийтlани</i>	<i>хьайитlани</i>	«хотя будет, станет, наступит» и т.д.

От глагола *кьу^и* «остывать, охладиться» форма условного наклонения образуется аналитически в сочетании с вспомогательным глаголом *хьу^и* «быть, становиться»: *кьайи хьийтla* (ср. лит. синтетическую форму *кьайитla*).

Интересное отличие кубинского диалекта от литературного языка обнаруживается в том, что в глаголах прошедшего времени при образовании уступительного наклонения в диалекте гласный основы [а] переходит в [и]:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гьанитlани</i>	<i>гьанатlани</i>	«хотя принес, привез»
<i>хьанитlани</i>	<i>хьанатlани</i>	«хотя стал, наступил»
<i>фэнитlани</i>	<i>фэнатlани</i>	«хотя пошел, поехал»
<i>цанитlани</i>	<i>цанатlани</i>	«хотя посеял» и т.д.

Иногда гласный [а] из основы глаголов уступительного наклонения выпадает, что вызывает сильное ослабление препозитивного согласного [н], например:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>хурху^итlани</i>	<i>хранатlани</i>	«хотя связал»
<i>хьурхьу^итlани</i>	<i>хьурэнатlани</i>	«хотя посмеялся»
<i>тIаклу^итlани</i>	<i>даклунатlани</i>	«хотя надулся, опух»
<i>ургу^итlани</i>	<i>рганатlани</i>	«хотя закипел» и т.д.

Глагол кубинского диалекта расходится с литературным также в предположительном наклонении, а именно при оформлении отрицательной формы вместо форманта **-чh**, употребляемого в литературном языке, в диалекте используется суффикс **-иш**, ср.:

в кубин. диалекте	в лит. языке	
<i>гуш</i>	<i>гучh</i>	«не даст, не продаст»
<i>Гьиш</i>	<i>гьичh</i>	«не принесет, не привезет»
<i>къвэш</i>	<i>къвэчh</i>	«не придет»
<i>лугьуш</i>	<i>лугьучh</i>	«не скажет»
<i>эсуьниш</i>	<i>асуничh</i>	«не побелит»
<i>чузаш</i>	<i>жузачh</i>	«не спросит» и т.д.

Таким образом, в кубинском диалекте много своеобразного, отличительного отмечается в системе глагольного словообразования и словоизменения в сравнении с современным лезгинским литературным языком.

Условные сокращения

лит. яз. – литературный язык
 кимил. гов. – кимильский говор

кубин. диалект – кубинский диалект
 несоверш. время – несовершенное время

Список литературы

1. Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. М.: Академия, 1997. 36 с.
2. Алипулатов М. А. Категория грамматического класса в языках лезгинской группы (по данным имен) // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 292-297.
3. Асалиев Ж. А. Кимильский говор и его место в диалектной системе лезгинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2003. 21 с.
4. Гайдаров Р. И. Диалектология лезгинского языка: для учителей лезгинского языка и студентов литфака. Махачкала: Дагучпедгиз, 1963. 226 с.
5. Гайдаров Р. И. Морфология лезгинского языка: учебное пособие. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 159 с.
6. Мейланова У. А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, ИИЯЛ им. Г. Цадасы, 1970. 193 с.

ON THE PECULIARITIES OF THE VERB OF A CUBAN DIALECT OF THE LEZGHIAN LANGUAGE

Babaev Vladimir Abdurakhmanovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Selimova Zukhrekhalum Omarovna, Ph. D. in Philology
 Dagestan State Pedagogical University
 zerber.ad@mail.ru

The article is devoted to the description of morphological peculiarities of the verb of one of the least studied areal units of the modern Lezghian language – the Cubin dialect. Attention is focused on the analysis of masdar, participle, adverbial participle and also separate forms of verbal moods. The principal theoretical statements of the research are supplied abundantly with the field material.

Key words and phrases: the Lezghian language; the Cuban dialect; literary language; the system of the verb; masdar; participle; adverbial participle; verbal mood; morphological peculiarities.

УДК 801.52

Статья носит характер описательной работы, направленной на относительно детальную дифференциацию семантических особенностей конкретных средств выражения пространственной категории интерэссива в агульском и английском языках. Автор стремится посредством функционально-семантического анализа представить более глубокую оценку восприятия интерэссива двумя отдельными народами.

Ключевые слова и фразы: разграничение; восприятие; композиционная структура; сочетаемость; универсальность.

Генджаев Шамиль Магомедович
 Дагестанский государственный университет
 gendzhaevshamil@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕРЭССИВА
 В АГУЛЬСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В агульском языке категория интерэссива выражается как глагольными превербами «-I-» и «-ч-», так и именным аффиксом «-zI» [4, с. 35; 5, с. 106]. При наличии одного объекта формант «-zI» позволяет оценить его как субстанцию, между элементами которой локализуется другой объект. Данный формант определяет композиционную структуру субстанции:

а) жидкость (*хьеттигI* – в воде; *неккугI* – в молоке; *нафтугI* – в керосине; *уьттугI* – в мёде; *шурпайигI* – в супе и др.);

б) субстанция, более твёрдая, чем жидкость (*ифалдигI* – в сливочном масле; *лухьугI* – в снегу; *ашугI* – в каше; *гунигI* – в хлебе; *кфумугI* – в сметане и др.);

в) сыпучее тело (*бурунзигI* – в рисе; *ругугI* – в песке; *кьуттаригI* – в гравии и др.).

Словоформа *хьеттигI* соответствует в русском языке сочетанию предлога «в» и существительного «вода» в предложном падеже (в воде). Форма «в воде» устанавливает значение «локализация в водной среде» и характеризуется сочетаемостью исключительно со статичными глаголами. Например:

стоять в воде – *хьеттигI гьуза(на)с – to stand in the water.*

Формант интерэссива «-zI» соотносится с английским статичным предлогом *in* «внутри» [1, с. 145], определяющим инэссив.

Форма «в воду» указывает на пространственное значение «направленность в водную среду» и сочетается лишь с динамичными глаголами. Например:

бросить в воду – хьеттигIди гIухьас – to throw into the water.

Как видно, интерлативу в агульском языке (-zI-du) соответствует инлатив в английском языке (*into* «внутри»). Таким образом, словоформа *хьеттигI* эксплицирует локализацию, а значение «направленность»